

классов. Но новое могучее содержание может использовать для своего развития и старые формы, подвергнув их коренному изменению. Таковы национальные формы культуры, в которых развивается новое, интернациональное, пролетарское содержание при диктатуре пролетариата.

Иногда определенное содержание может выступать и во внешне противоположной ему форме. Таковы например капитулянтское, контрреволюционное содержание и «левая» форма троцкистской фразеологии. «Капитулянтство на деле, как содержание, «левые» фразы и «революционно»-авантюристские замашки, как форма, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание, — таково существо троцкизма»¹.

Г. Закон, причина, цель

Материалистическое познание явлений природы, общества и мышления в их *всеобщей* связи, познание *сущности* каждой отдельной вещи в ее единстве с проявлениями этой сущности приводит нас к рассмотрению господствующих в природе и обществе *законов*, к выяснению *закономерности* развития.

Понятие закона отражает *существенное отношение*, т. е. отношение сущности; закон действует по отношению к явлениям, осуществляется в них не как внешняя сила, но как свойственная самим явлениям объективная, имманентная, внутренняя тенденция их развития. Закон выступает как всеобщая форма их *внутренней* связи.

«Понятие закона, — замечает Ленин, — есть одна из ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и *цельности* мирового процесса»².

Энгельс показывает, как исторически постепенно развивается познание нами закономерности природы — как от более частных обобщений мы постепенно в течение тысячелетий переходим к «суждению всеобщности». Практика и техника материального производства играют здесь решающую, определенную роль. Уже в доисторические годы знали практически, что трение порождает теплоту, но прошли тысячелетия, пока создалось суждение: трение *вообще* есть источник теплоты. Лишь в эпоху промышленного капитализма, в связи с изучением тепловых источников энергии, Майер и Джоуль выдвигают обобщение: всякое механическое движение при помощи трения превращается в теплоту. *Дальнейшее обобщение* ведет к более универсальному закону: любая форма движения при известных условиях превращается в другую форму движения. Так исторически развивается познание общих законов природы.

Человек не может сразу охватить, отразить, отобразить целиком, полностью *всей* природы; по словам Ленина, «он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д.»³.

¹ Сталин Вопросы ленинизма, стр. 559.

² «Ленинский сборник» IX, стр. 145.

³ Там же, стр. 203.

«Закон есть,—подчеркивает Ленин мысль Гегеля,—отражение существенного в движении универсума»¹. Но понятие закона—диалектически противоречивое понятие, отражающее развитие объективных закономерностей в их внутренних противоречиях. В законе мы имеем нечто повторяющееся, *тождественное*, «прочное», *остающееся*, нечто неизменное и «спокойное» по сравнению с изменчивыми явлениями. В законе берется *сущность* движения и развития явлений в его абстрактном, «чистом» виде: закон есть «форма всеобщего» (Энгельс). «Закон берет спокойное,—продолжает Ленин,—и потому закон, всякий закон узок, неполон, приближителен»; в этом смысле... «явление богаче закона»².

Однако закон не следует рассматривать лишь как абстракцию от множества *повторяющихся* явлений. Закон имеет и *качественную* сторону: он фиксируется нам каждый раз как особая необходимая *тенденция развития*, в которой закон как бы стремится *охватить* свои бесконечные проявления и *необходимо реализоваться* в них. В этом отношении абстракция закона *глубже*, вернее, полнее отражает действительность, чем каждое отдельное явление. Закон стойкости, указывал Ленин, гораздо истиннее, чем каждое отдельное его проявление, чем каждый акт обмена, чем закон спроса и предложения. Закон охватывает и выражает каждое отдельное явление приблизительно, относительно, на одной ступени познания, с одной стороны, в одном отношении; он не дает всей конкретной полноты, всей целостности явления, которое можно познать полностью лишь через познание его бесконечного множества сторон. В этом смысле закон *беднее* отдельного конкретного, целостного явления. И в то же время, охватывая группы однородных явлений, закон *глубже*, вернее, *постояннее*, чем каждое отдельное его проявление. В этом состоит своеобразие закона, всякой научной абстракции, отражающей внутреннюю *противоречивость* всякого развития.

Эту внутреннюю противоречивость закона постоянно подчеркивают Маркс, Энгельс, Ленин. Они ведут борьбу за единственно научное, *закономерное* познание действительности—со всякого рода идеалистическим отрицанием или идеалистическим извращением значения общих законов природы и общества. И в то же время они ведут борьбу с фетишистским, упрощенным, вульгарным пониманием закона, как *некоторого* неизменного «абсолюта», который непосредственно и целиком, в «чистом виде», проявляется в каждом отдельном конкретном явлении. Они подчеркивают относительный, исторический характер законов, изменчивость самих законов.

«Конечной целью этой работы,—говорит Маркс о «Капитале»,—является раскрытие закона экономического развития современного общества»³. В то же время Маркс всячески подчеркивает относительный, исторический, преходящий характер законов капиталистического общества. Он резко критикует взгляды буржуазной экономики, видящей в законах капитализма вечные «естественные» за-

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 149. Ср. у Маркса: «Постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства».

² Там же, стр. 147—149.

³ Маркс, Капитал, т. I, Предисловие к 1-му изд., стр. XV.

коны. По словам одного из ранних рецензентов «Капитала», очерк которого сам Маркс признавал удачным, «для Маркса важно только одно: найти закон явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не только закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон *их изменяемости*, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому»¹. Общих, пригодных для всех времен экономических законов для Маркса не существует. «По его мнению, напротив, каждый исторический период имеет свои законы»². Его научная цель заключается «в выяснении тех *частных законов*, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим»³.

Маркс резко противопоставляет слепые законы капиталистической стихии законам социалистического общества, достигнутым коллективным разумом людей и направленным ими к их благу.

Энгельс подчеркивает исторический, относительный характер законов природы—казалось бы, законов всеобщих, вечных и неизменных. Он показывает, что физические законы—например жидкое состояние воды от 0 до 100° С,—что эти законы обусловлены в конечном счете условиями земной планеты и могли бы получить видоизменение на солнце или на луне. Наиболее общая формулировка теории превращения энергии, по словам Энгельса, в ее применении к мировой системе превращается в историю господства различных законов на разных ступенях ее развития.

Маркс, Энгельс, Ленин ведут борьбу с тем абстрактно-фетишистским пониманием законов, которое характерно и для механизма и для идеализма. Они показывают, что, выражая «в чистом виде» *сущность* явлений, законы охватывают лишь *приблизительно* универсальную закономерность природы. Законы осуществляются в конкретной капиталистической действительности лишь среди постоянных отклонений, лишь как господствующая тенденция, преодолевающая постоянные нарушения законов, т. е. как некоторая средняя постоянных колебаний и отклонений от закона. Закон стоимости, всеобщий закон капиталистического накопления, закон тенденции нормы прибыли к понижению и т. д.—в таком, закономерном виде рассматривает Маркс все явления капиталистической действительности. В то же время Маркс подчеркивает не только *исторический* характер законов капиталистического производства, но и то, что они лишь *приблизительным* образом осуществляются в капиталистической действительности как господствующие *тенденции*, стремящиеся уничтожить, преодолеть колебания и отклонения. «Вообще,—говорит Маркс,—при капиталистическом производстве всякий *общий закон* осуществляется лишь как *господствующая тенденция*, весьма запутанная и приблизительно образом, как некоторая *средняя постоянная*»

¹ Маркс, Капитал, т. I, Послесловие, стр. XXI. Подчеркнуто нами.—Авт.

² Там же, стр. XXII. Подчеркнуто нами.—Авт.

³ Там же. Подчеркнуто нами.—Авт.

ных колебаний, которая никогда не может быть достаточно установлена»¹.

В другом месте, отмечая, что цены товаров отклоняются от их стоимости, что товары продаются в капиталистическом обществе в соответствии с их рыночной стоимостью лишь в тех редких случаях, когда спрос и предложение перестают действовать и покрывают друг друга, Маркс разъясняет: «Действительные внутренние законы капиталистического производства, очевидно, не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения..., так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрывают друг друга. Спрос и предложение в действительности никогда не покрывают друг друга, или, если и покрывают, то только случайно, следовательно, с научной точки зрения этот случай должен быть приравнен нулю, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, отвечающем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от того, чем они кажутся вследствие колебаний спроса и предложения. С другой стороны, для того, чтобы найти действительную тенденцию их движения, так сказать, фиксировать ее»². Маркс показывает, что, лишь рассматривая итог движения за более или менее продолжительный период, мы получаем полное равновесие между спросом и предложением, что этот результат получается лишь как средняя свершившихся колебаний, лишь «как постоянное движение их противоречия». Мы имеем здесь и «уклонения рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения...»³

В конкретной действительности капитализма законы никогда не оказываются осуществленными в их чистом виде. Каждое конкретное явление представляет собой и некоторое отклонение от проявляющегося в нем закона и подтверждение закона, поскольку господствующая тенденция развития всей данной совокупности явлений стремится уничтожить это отклонение, имеющее место в отдельных явлениях. Закон осуществляется всегда лишь как тенденция развития, нередко в переплетении с другими тенденциями. И только таким образом нами правильно познается конкретное содержание действительности.

Именно так подходит к вопросу о закономерности явлений и Ленин, освещая вопрос о соотношении между общими законами и законами особых стадий развития капиталистического общества. Порождение монополии концентрацией производства, — указывает Ленин, — вообще является *общим и основным законом* современной стадии развития капитализма: «по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм»⁴. Но империализм при всем том остается особым этапом в развитии капитализма и подчинен наряду с этим особым законом и общим

¹ Маркс, Капитал, т. III, кн. I, стр. 105, 1932 г. Подчеркнуто нами. — Авт.

² Там же, стр. 126. Подчеркнуто нами. — Авт.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Ленин, Империализм как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, стр. 170.

законам и противоречиям капитализма — противоречию между общественным производством и частным присвоением, между организацией производства на отдельных предприятиях и анархией во всем обществе. Поэтому неверны сказки буржуазных экономистов о возможности устранения кризисов при монополистическом капитализме. Нет, капиталистические противоречия еще более обостряются в период империализма. «Напротив, — говорит Ленин, — монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом».

Монополия свойственна тенденция к застою и загниванию. Однако «было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма... В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран»¹.

Из этого диалектического понимания закона исходили Ленин и Сталин, обосновывая закон неравномерности развития при империализме и возможность построения социализма в одной стране. Социал-оппортунисты типа Каутского, совершенно абстрактно подходя к закономерностям империалистического этапа, доказывали, с чисто «экономической» точки зрения, что противоречия и неравномерности капитализма ослабевают при господстве финансового капитала потому, что развитие «идет» к монополиям, следовательно к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту.

Троцкий и Зиновьев также доказывали, что неравномерности в развитии империализма стало меньше. Близкую к теории «ультра-империализма» точку зрения развивал т. Бухарин, доказывавший, что законы капиталистической конкуренции перестают действовать хотя бы в пределах отдельных государств.

Развитие идет к монополиям. «Это бесспорно, — отвечал Ленин на рассуждения о таких чистых «абстракциях» развития, — но это и совершенно бессодержательно... Лучшим ответом на мертвые абстракции «ультра-империализма»... является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства»². Каутский протаскивает мысль, «будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их»³.

Такое же диалектическое понимание исторической закономерности развития проводит Ленин и в своей знаменитой отповеди Суханову по вопросу о «закономерности» Октябрьской революции. Ленин показывает, что «при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»⁴. Октябрь

¹ Ленин, Империализм как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, стр. 172. Подчеркнуто нами. — *Авт.*

² Там же, стр. 147.

³ Там же.

⁴ Ленин, О нашей революции, Соч. т. XXVII, стр. 399. Подчеркнуто нами. — *Авт.*

не только не нарушил общей линии развития мировой истории, переходящей от капитализма к социализму, но подтвердил эти общие законы, и тем не менее в Октябрьской пролетарской революции мы имели *своеобразие* отдельной полосы развития, *своеобразие* перехода.

Развивая далее мысль Ленина, т. Сталин выясняет *особенности* Октябрьской революции, состоящие в том, во-первых, что диктатура пролетариата родилась у нас как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства под руководством пролетариата, и в том, во-вторых, что диктатура пролетариата утвердилась у нас как результат победы социализма в одной стране, при сохранении капитализма в других капиталистических странах.

В то же время т. Сталин доказывает, что Октябрьская революция имеет интернациональную природу, что она является *классическим* образцом проведения ленинской теории, обязательной для всех стран, что это *своеобразие* Октября, выражаясь словами Ленина, также шло «по общей линии развития мировой истории». Разрыв цепи империализма пролетарской революцией в тех его звеньях, где империализм *слабее*, становится *общим* законом пролетарской революции в эпоху империализма.

В этих положениях Ленина и т. Сталина мы имеем неразрывную связь закономерного познания действительности с революционной *практикой*. Практика пролетарской революции дает нам подлинный критерий для проверки значения общих законов капиталистического развития и для борьбы с оппортунистическим их фетишизированием. Практика социалистического строительства вносит ряд новых моментов в наше понимание закона. Она вносит сознательное, *разумное, плановое* начало в закономерности переходного периода (это сознательное начало проводится диктатурой пролетариата). В противовес «закону первоначального социалистического накопления» и «закону трудовых затрат», которые выдвигали троцкисты и правые для понимания новой экономики по аналогии со стихийными закономерностями капитализма, — мы видим все своеобразие законов истории после победы пролетариата, мы подчеркиваем роль диктатуры пролетариата, подавляющей эксплуататоров, руководящей массами трудящихся и строительством социализма.

Одной из важнейших ступеней к познанию всеобщей, универсальной связи и закономерности природы является познание нами *причинных* связей, причин и следствий, так называемая *каузальность*.

Развитие каузальной, причинной точки зрения — совершенно необходимая ступень в развитии и укреплении материалистического понимания природы. Ранние материалисты выдвигают понятие причинности в противовес идеалистам, которые отрицают наличие *причинных* связей в природе и обществе. Но ранние материалисты склонны были понимать *причинную* связь явлений преимущественно как *механическую* причинность. Современные механисты, например Л. Аксельрод, склонны даже видеть в механической причинности основное отличие материализма от идеализма.

Кантовская философия очень много внимания и места уделяет категории каузальности, стремясь превратить причинность в *субъективное* понятие, в категорию нашего *рассудка*, которую мы привносим от себя во внешний мир.

Гегель с позиций идеалистической диалектики подверг критике старый механицизм и кантианство по вопросу о причинности, он показал, что каузальность есть лишь малая частичка, лишь момент в познании всеобщей мировой связи, которая понималась Гегелем как развитие абсолютного духа.

Энгельс и Ленин дают глубокую диалектико-материалистическую трактовку понятия *причинности*. Они одновременно выясняют все значение этого понятия для материализма, его *объективное* содержание и в то же время подчеркивают его *относительность*, *односторонность* и *неполноту* в процессе познания универсальной закономерности.

Еще в «Материализме и эмпириокритицизме», подвергая резкой критике отрицание махистами и кантианцами причинности и отмечая все огромное значение причинности для материализма, Ленин в то же время указывал, что в понятиях причины и следствия мы имеем известное упрощение объективной связи явлений. Ленин подчеркивает в своем конспекте «всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь *односторонне, отрывочно и неполно* выражаемой каузальностью»¹. «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними,—говорит Ленин,—уже *включают* в себе представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира. Выделять каузальность из этой связи нелепо»². «Причина и следствие, *ergo*, лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи»³.

Для Гегеля, по словам Ленина, «каузальность есть лишь одно из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всестороннее охватил уже раньше»⁴. Гегель «подводит вполне историю под каузальность и в тысячу раз глубже и богаче понимает каузальность, чем тьма «ученых» ныне»⁵. «Каузальность, обычно нами понимаемая, есть *лишь малая частичка всемирной связи*», но—именно здесь следует *материалистическое добавление и исправление* Лениным Гегеля,—«частичка не субъективной, а объективно реальной связи»⁶.

Отношение причины и следствия, обычно понимаемое как отношение некоторых внешних друг другу «субстанций», мы должны изучить глубже, исходя из движения материи, из движения истории и их всеобщей связи. Исходный пункт марксистско-ленинского взгляда на каузальное (причинное) отношение между явлениями, отмечает Энгельс, есть признание их взаимной обусловленности, их *взаимодействия*. «Первое,—говорит Энгельс,—что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся мате-

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 161. Подчеркнуто нами.—*Авт.*

² Там же, стр. 197.

³ Там же, стр. 161.

⁴ Там же, стр. 167.

⁵ Там же, стр. 163.

⁶ Там же. Подчеркнуто нами.—*Авт.*

ри,—это взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собою, их обусловленность друг с другом»¹.

Наше познание не удовлетворяется однако одной такой исходной общей точкой зрения. Мы выделяем поэтому условия, при которых возникают каждое *отдельное* явление или совокупность данных явлений, отдельные звенья процесса, рассматриваемые обособленно от других звеньев. Во всеобщем потоке движения материи мы различаем движения воздействующие, которые переносятся на другие тела или явления, и те движения, которые возникают в результате этого воздействия или переноса движения. Чтобы понять отдельные явления,—говорит Энгельс,—«мы должны изъять их из их естественной или исторической связи и, рассматривая каждую порознь, исследовать ее свойства, ее частные причин действия и т. д.»². «Если какое-нибудь движение... переносится с одного тела на другое, то, *поскольку это движение переносится* активно, его можно считать причиной движения, *поскольку же оно перенесено* пассивно—результатом»³.

Это диалектическое воззрение на причинную связь явлений находит свое обоснование и подтверждение в *практике* общественного человека. Причина, как это доказывает наша практическая деятельность, *необходимо* переходит в свои «действия»; она является в них как движение, активное по отношению к своему следствию, как движение, воспроизводящее предмет определенным образом. Практика выявляет эту объективную причинную связь явлений, создает представление о причинности.

Еще Гегель указывал, что, для того чтобы между явлениями возникла *необходимая* связь, нужны не только условия и не только вытекающий из всех этих условий предмет, но нужна также и деятельность, *переводящая* условия в предмет и предмет в условие. Иное дело,—замечает Энгельс,—когда «мы находим также, что мы в состоянии *воспроизвести* определенное движение, создав условия, при которых оно происходит... и что мы можем придать этому движению *определенное* заранее направление и размеры».

Благодаря этому, благодаря деятельности человека и создается представление о *причинности*, представление о том, что одно движение есть *причина* другого и «деятельность человека дает возможность *доказательства* причинности»⁴. Зажигая спичку о коробку, мы каждый раз подтверждаем, что именно трение порождает теплоту и огонь. Правда, и здесь может случиться отклонение от правила, ожидаемое действие может не последовать, спичка вдруг не зажжется. «Но,—добавляет Энгельс,—именно это *доказывает* причинность, а не опровергает ее, ибо при каждом подобном отклонении от правила можно, произведя соответствующее исследование, найти причину этого (например сырость спичек и т. п.—*Авт.*), так что здесь собственно производится *двойная* проверка причинности»⁵.

¹ Энгельс, Диалектика природы, стр. 14.

² Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 14.

³ Энгельс, Диалектика природы, стр. 10—11.

⁴ Там же, стр. 14. Подчеркнуто, кроме последнего, *авт.*

⁵ Там же.

Каузальная точка зрения таким образом отнюдь не привносится нами в познавательный процесс из нашего сознания, как это полагают философы-скептики и кантианцы. Она неизбежно *вытекает из самой объективной связи вещей*, она неизбежно порождается общественной практикой человека и находит подтверждение в этой практике. Из этой объективной связи вещей и подтверждающей ее практики и вытекает необходимость для нашего познания *рассматривать* отдельные вещи и явления как отдельные звенья, как моменты общего процесса.

Однако обособление «причин» и «следствий» (действий) имеет смысл лишь при том условии, если, отвлекаясь от единства мирового естественного или исторического процесса, мы будем также иметь в качестве отправного пункта их взаимодействие, их движение, их внутренне-необходимую закономерную связь. «Причина и следствие, — резюмирует Энгельс, — суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельному явлению, но... если рассматривать то же явление в его *общей мировой связи*, то эти два понятия соединяются и переходят в представление о всеобщем взаимодействии, в котором причина и следствие *постоянно меняются местами*, и то, что теперь или здесь является следствием, то станет там или тогда причиной и наоборот»¹.

«Человеческое понятие причины и следствия, — по словам Ленина, — *всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы*, лишь приближительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного *единого* мирового процесса»².

Правильное диалектическое понимание причинной связи явлений поэтому коренным образом противоположно *механистической* точке зрения и идеалистическому *релятивизму*. Понятие причинности само по себе еще не может служить водоразделом между материалистическим и идеалистическим мировоззрением; еще в меньшей степени можно говорить о *принципе механической* причинности как об отличительной черте диалектического материализма, — так, как это делает например Л. Аксельрод, забывая основной вопрос философии — об отношении бытия к сознанию. Под механической причинностью следует разуметь низшие, *простейшие формы* причинной связи, которые имеют место в рамках чистой механики. Встречное движение твердых тел — причина удара, поворот крана вызывает струю воды, механическая работа — причина тепла и т. п. Здесь мы, в лучшем случае, имеем чисто внешний переход от одной формы механического движения к другой, такой же простой форме; причина и следствие здесь остаются внешними; они *не находятся во внутренней, необходимой связи* между собой. Причиной удара может быть не только встреча тел, но и падение тела.

Совершенно иначе обстоит дело, когда мы переходим к более сложным физическим, химическим, а тем более биологическим и общественным явлениям. Причины и следствия находятся здесь *во внутренней, необходимой, связи* между собой, понять которую

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 15. Подчеркнуто нами. — *Дет.*

² Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 128. Подчеркнуто нами. — *Дет.*

можно только исходя из закономерности развития. Причина не только производит свое следствие, не только переходит в свое действие, но в свою очередь наличие именно данной совокупности причин необходимо предполагается наличием данных следствий. Причина и следствия связаны между собою внутренней закономерной связью. Поэтому ошибочно утверждать, что одно «признание принципа механической причинности является душой материализма»¹. Ошибочно полагать, как это делает например К. Каутский, что понятие о причинности необходимо связано с понятием толчка, столкновения (*der Anstoss*)². «Толчок», равно как и всякое предшествующее действие в общественно-историческом развитии, не связанное со своим следствием внутренней связью, может оказаться лишь *внешним поводом*, а вовсе не *необходимой* причиной данного явления.

Энгельс всячески порицал «заурядное недialeктическое представление о причине и следствии как о двух неизменно разъединенных полюсах, абсолютно не выдающие взаимодействия»³.

Так именно ставит вопрос о причинной связи Ленин, когда он например освещает причины победы большевиков в Октябре 1917 г. Сторовники II Интернационала, — указывает он, — не могут «даже поставить серьезно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы большевиков»⁴. Между тем этот вопрос «разрешается бесспорно», если исходить не из внешнего сцепления событий, но из общей «точки зрения классовой борьбы и социализма»⁵.

И Ленин доказывает историческую неизбежность, необходимость победы большевизма. Большевики победили *потому*, что они имели за собой громадное большинство пролетариата, и в нем наиболее сознательную часть, *потому*, что они имели огромное большинство в армии, *потому*, что их силы находились в решающих пунктах, в столицах и на фронтах армии, *потому*, что пролетариат сумел повести за собой широкие непролетарские трудящиеся массы.

Так именно ставит вопрос о причинности и т. Сталин, когда он разъясняет, «в чем причина того, что СССР, несмотря на его культурную отсталость, несмотря на недостаток капиталов, несмотря на недостаток технически-выкованных хозяйственных кадров, находится в состоянии растущего экономического подъема и имеет на фронте экономического строительства решающие успехи, а передовые капиталистические страны, несмотря на обилие капиталов, обилие технических кадров и более высокий уровень культуры, находятся в состоянии растущего экономического кризиса и терпят в области хозяйственного развития поражение за поражением»⁶.

Тов. Сталин видит эту причину не во внешних обстоятель-

¹ Аксенов, Философские очерки.

² Каутский, Материалистическое понимание истории, т. I.

³ Маркс и Энгельс, Письма, стр. 406.

⁴ Ленин, Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата, Соч., т. XXIV, стр. 633—634.

⁵ Там же, стр. 634.

⁶ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 537.

ствах, а в глубоких внутренне-необходимых законах различных экономических систем. «Причина,—отмечает т. Сталин,—в различных экономических системах хозяйства у нас и у капиталистов. Причина—в несостоятельности капиталистической системы хозяйства. Причина—в'преимуществах советской системы хозяйства перед системой капиталистической»¹.

Впрочем современная буржуазная идеалистическая философия предпочитает *вовсе не говорить о причинах*. Махисты и другие субъективные идеалисты склонны употреблять абстрактное выражение—«функциональная связь» между явлениями. Понятием функции обозначают при этом общую связь и взаимозависимость явлений: каждое из взаимосвязанных явлений представляет собою функцию другого. Иными словами, употреблением понятия функции в данном случае смазывается то обстоятельство, что данное явление, будучи различным образом связанным с другим, может быть то *действием* (следствием), то *причиной* другого явления.

Такие внешне-«научные» претензии буржуазной идеалистической методологии, ее стремление *вовсе изгнать понятие «причинной связи»* имеют своим источником идеалистическое отрицание *ею объективных причинных связей*.

Диалектическое понимание взаимодействия причин и следствий не имеет ничего общего с таким *релятивистским* воззрением. Все наши представления о причинной связи явлений развиваются в связи с *человеческой практической деятельностью*: они укрепляются, ежечасно подтверждаясь нашей практикой. За последнее время мы имеем особенно большой рост мистики, отрицания причинности в буржуазной науке. Ряд открытий в области структуры материи используется буржуазными учеными для отрицания причинности. Таковы работы физиков: Гейзенберга, Шредингера, Плауна и др.

Раздвоение на причину и действие при всем их внутреннем единстве и связи существует объективно, независимо от нашего познания, в самих вещах. Причины и действия несомненно взаимодействуют между собой; каждая причина уже в зародыше несет и свое действие и обратно; но тем не менее в *данной связи явлений именно причина* каждый раз является *исходным пунктом* движения—его первоначальным, вызывающим, порождающим, *активным* моментом. Поскольку воздействие причины вытекает из самой сущности закономерности данного явления, это воздействие причин должно представлять собой исходный, *предшествующий* следствию и во времени момент. Однако уже Юм заметил, что сказать: «Данное явление происходит после того-то (post hoc)» еще не значит: «Оно происходит *вследствие* того-то (propter hoc)». Говоря о причине, важно подчеркнуть, что в ней мы имеем не только отправной момент взаимодействия, но и *определяющее условие, вызывающее, порождающее* данное следствие, *данный предмет, воспроизводящее его определенным образом*.

Говорить только о функциональной связи явлений—значит по существу ограничиться *констатированием* их взаимной связи,

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 537.

не пытаюсь добраться до объективной основы их взаимодействия: эта позиция явно ведет к *релятивизму*, к *софистике*! Заменить же познание причин познанием всех условий вообще—значит стать на путь *эклектизма*, который не умеет выделить из всей *общей* массы возможных условий *особые*, наиболее существенные условия, *реально определяющие* в данной связи характер данного следствия. А между тем в процессе человеческой деятельности непрерывно происходит «выделение», изолирование таких определяющих, *существенных условий* (причин) из всей массы других условий—более общих, менее существенных и т. д. Тесная связь с *практикой* позволяет *материалистическому* пониманию причинности преодолеть и релятивизм «функциональной теории» и эклектизм, заменяющий причинность «условиями».

Крайне важно также уметь отличать причины событий от *внешнего повода*, повлекшего их за собой: нужно помнить о *внутренней* связи, всегда существующей между причиной и следствием. Наконец в процессе *конкретного* изучения данного явления, среди причин, вызывающих явление, нужно уметь отыскать *коренные, основные* причины, способные в дальнейшем вызвать повторение данного явления, отличать эти основные причины от причин особых, специфических, временных, которые имеют лишь *проходящее* значение, но должны также учитываться нами в целях воссоздания всей конкретной обстановки.

Так например ставил т. Сталин вопрос о причинах наших затруднений на хлебном фронте в 1928 г. Правая оппозиция искала эти причины лишь только в плановых просчетах, упуская из виду основные причины. Тов. Сталин выявил *основные* причины, *существо* наших затруднений, заключавшихся тогда в *распыленности* мелкого крестьянского хозяйства на той ступени и *необходимость* его коллективизации. Тов. Сталин отмечал в то же время и специфические, временные причины трудностей—*быстрый* рост платежеспособного спроса со стороны крестьянства, *неблагоприятное* состояние цен на хлеб, *ошибки* планового руководства и т. д.

Нетрудно заметить, что только такое глубокое понимание законов и причин данных явлений может помочь нам правильно осветить наши *задачи и цели*. Эта неразрывная связь между причинами и целями однако часто игнорируется буржуазной наукой, *противопоставляющей целесообразность причинному познанию*. Каузальной, или причинной, точке зрения на взаимозависимость между явлениями с давних пор противопоставляется совершенно иное, *откровенно-идеалистическое* воззрение—*точка зрения телеологическая*. Согласно телеологии, всякое явление—имеет ли оно место в природе или в общественной жизни—есть осуществление некоторой *цели*. Осуществление *цели*—все равно цели, намеченной богом, или цели внутренней, свойственной данному предмету,—ведет данное явление к развитию, к *совершенствованию*. Поэтому, говорят «телеологи», если мы и устанавливаем в наблюдаемых явлениях связь постоянства, закономерности, то связи эти должны нами рассматриваться вовсе не под углом зрения порождающих их причин, но под углом зрения того, как осуществляются в них некоторые *высшие цели*.

Такое воззрение ведет свое первоначальное происхождение от религиозных представлений о «божественном промысле». Церковные писатели, начиная с «отца церкви» Августина, особенно усердно прилагали телеологию к пониманию общественной жизни; земная жизнь человека изображалась ими как путь греховных испытаний, ведущий к высшей цели, к иному «царству», к воздвижению «града господня» и т. п.

Вместе с развитием производительных сил и развитием научного познания телеологическая точка зрения сама видоизменялась. «Цель» начали искать уже не вне явлений, но в них самих; целесообразный характер того или иного явления природы объявляется внутренне присущей этому явлению, его *имманентной* целесообразностью.

Учение о внутренней целесообразности строения вещей было выдвинуто еще Аристотелем. Наивысшее развитие этот телеологический взгляд получил у Лейбница, в его теории, согласно которой мир построен из изолированных сущностей (душ) — «монад». Каждая монада, по мнению Лейбница, представляет собою осуществление некоторой *внутренней* — движущей ее развитие — цели. В идеалистической философии постепенно создается различие между «действующей причиной» (*causa efficiens*), т. е. причиной в нашем обычном понимании, и «конечной причиной» (*causa finalis*) или целью.

Лучшим примером внутренней целесообразности, на которую чаще всего указывают «телеологи», является целесообразное строение организмов у животных и растений; здесь устройство каждого органа повидимому находит свое оправдание в выполняемой им функции. На извращенном понимании этой внутренней целесообразности строения организмов покоятся некоторые современные буржуазные биологические теории. Такова в частности подоплека всех *виталистических* теорий, приписывающих живым организмам наличие некоторой особой жизненной силы (у современного вождя витализма Дриша и т. п.). Учение о внутренней и органической целесообразности проводится буржуазной идеалистической наукой и при изучении общественной жизни — представителями «органической школы», неокантианства — в «субъективной социологии» народников. Все эти направления буржуазной науки полагают, что причинное изучение непригодно для истории и должно быть заменено или дополнено отысканием внутренних целей и высших ценностей, которые якобы осуществляются в развитии общества.

Сильнейший удар телеологии в естествознании нанес Дарвин. Он указал, что сама целесообразность строения организмов должна находить и находит себе *причинное* и закономерное объяснение. Целесообразность эта объясняется вовсе не разумностью их организации, но гибелью в течение многих тысячелетий всех неприспособленных к условиям существования, «нецелесообразно» построенных видов. Совершенно очевидно, что природа не ставит себе сознательных целей. Самое важное однако то, что телеологическая точка зрения совершенно непоследовательно *противопоставляет* причинное объяснение явлений и их целесообразный характер одно другому, что она произвольно отрывает одну сторону

дела от другой. Нельзя обособлять вопрос «для чего» протекают те или иные действия людей, для чего нужны, скажем, инфузории мерцательные реснички, от вопроса «почему» это явление имеет место. Поступать так—значит или уже заранее предполагать вне самой связи явлений осуществляющую их разумную волю или по крайней мере считать заранее, что «цель» не зависит от причин, вызывающих явление.

Между тем вещь во всех отношениях, в том числе и в осуществляемой ею «цели»—должна быть понята из вызывающих ее условий: всякое полное определение данного явления, всякое объяснение, «почему» оно протекает определенным образом, содержит в себе и объяснение того, «для чего», для какой цели данное явление совершается. Когда мы выяснили, почему целесообразно устроены глаза, то этим самым мы установили и «для чего» они так устроены. Если мы объясним, почему, по каким законам совершаются данные общественные действия людей, и покажем, что они необходимо могут совершаться только в направлении такой, а не другой цели, то этим самым мы гораздо полнее и правильнее объясним и ту цель, которую преследуют эти общественные действия. Коммунизм Маркс и Энгельс объясняли не как идеальное состояние, которое должно быть установлено, но как реальное историческое движение, уничтожающее современное состояние и, раскрывая законы капиталистического развития и классовой борьбы, тем самым выяснили историческую миссию пролетариата.

«Понятие цели,—по словам Гегеля,—равнозначуще с простым определением самого предмета». «На деле,—комментирует Гегеля Ленин,—цели человека порождены объективным миром и предполагают его,—находят его, как данное, наличное. Но кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»¹. Целесообразность не должна механистически отбрасываться в процессе нашего изучения действительности, но она не должна идеалистически противопоставляться закономерности и причинности, она требует особого, но все же причинного и закономерного ее объяснения. Целесообразность явлений природы и общественных действий человека мы должны поэтому рассматривать как особое, специфическое выражение, особую форму проявления их закономерности, их причинной связи, основной тенденции их развития.

Внутренняя целесообразность строения организмов есть особое выражение единства в них целого и отдельных частей, единства содержания функций организма и их формы.

Значение понятия цели в общественной жизни состоит в том, что оно позволяет изучать явления в непрерывной связи с практикой—с практической ролью вещей, с общественными действиями человека. «К идее, как истине,—отмечает Ленин,—Гегель подходит через практическую целесообразную деятельность человека», он идет «от субъективного понятия и субъективной цели к объективной истине»².

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 215—217.

² Там же, стр. 219.

Марксизм-ленинизм отнюдь не отрицает значения целей в общественной жизни человека, в практике классово-борьбы, но, наоборот, вскрывает их действительное историческое значение. Преследование определенных целей, указывают Маркс и Энгельс, характерная отличительная черта общественной жизни, общественно-исторических действий людей, отличающая их от стихийных сил и законов природы. Уже анализируя простой процесс труда, Маркс показывает все глубокое отличие целесообразно направленного труда, от труда самой искусной челы. Все развитие техники выражает эти отличительные черты целесообразно направленной деятельности человека.

Разъясняя некоторые положения Гегеля и переводя их на язык материалистической диалектики, Ленин подчеркивает закономерные основы нашей целесообразно направленной деятельности, ее *объективный характер* как формы объективного процесса. В то же время Ленин разъясняет, что противопоставление целей человека законам природы имеет свою основу в самом процессе познания и в особенностях человеческого познания, «не сразу и не просто совпадающего» с познаваемой природой. «Законы внешнего мира природы... суть основы целесообразно направленной деятельности человека»¹. — «Две формы объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целесообразно направленная деятельность человека... Цели человека сначала кажутся чуждыми («иными») по отношению к природе. Сознание человека, наука... отражает сущность, субстанцию природы, но в то же время это сознание есть внешнее по отношению к природе (не сразу, не просто совпадающее с ней)»².

Столкновение целей, преследуемых различными людьми и целыми общественными классами, приводило до сих пор к тому, что общественная жизнь развивалась по стихийным законам, не по заранее установленному плану, не в соответствии с поставленными целями.

Маркс показывает, как возникает противоречие между *ограниченной целью* капиталиста — увеличения прибавочной стоимости, и *средствами* для этой цели — неограниченным увеличением производства и безусловным развитием общественных производительных сил.

Однако ошибочно было бы думать, что при капитализме не преследуются и не получают осуществления классовые цели борющихся между собою классов буржуазии и пролетариата.

Буржуазия пользуется государственной властью как орудием насильственного подавления пролетариата и всех трудящихся. Задача пролетариата состоит в том, чтобы низвергнуть буржуазию, отнять у нее государственную власть и пустить это орудие в ход ради своих классовых целей.

Осуществление этих классовых целей диктатурой пролетариата ведет к тому, что исчезает противоречие «средства» и «цели», характерное для капиталистического производства, что *конечная цель* пролетарской борьбы — «организация социализма на развалинах капитализма» (*Ленин*) — осуществляется в полном соответствии

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 213.

² Там же, стр. 215.

и в единстве с ее средствами—растущей экономической и политической мощью Советской страны—на основе планомерной, целеполагающей деятельности рабочего класса и его партии.

VI. Необходимость и случайность

«Всякое отдельное,—говорит Ленин,—тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами). И т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия *необходимости*, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков, как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противоположаем одно другому»¹.

Признание наличия во всем мире объективной связи, признание необходимости всего совершающегося—или, как выражаются, его детерминированности (обусловленности)—является одной из важнейших отправных *предпосылок* нашего познания, только при условии наличия всеобщей связи становится понятной и материалистическая зависимость явлений сознания от окружающего нас бытия.

Однако одно признание господствующей в мире необходимой связи, признание детерминизма, еще не служит *зодоразделом* между двумя основными линиями в философии—между материализмом и идеализмом. Одним утверждением необходимости еще далеко не предопределяется *характер* зависимости, существующей между бытием и сознанием. Можно признавать необходимость всех совершающихся явлений и в то же время искать основу этой необходимости в мышлении, в объективном «духе», в боге и т. д.: На основе одного только голого утверждения необходимости легко можно объединить и механических материалистов, и естественников-позитивистов, и даже некоторых идеалистов. Отец ревизионизма Эд. Бернштейн считал, что, для того чтобы быть материалистом, достаточно только утверждать необходимость всего совершающегося, быть детерминистом. Ф. Меринг, возражая Бернштейну, совершенно резонно ссылаясь на таких мыслителей, как Вольтер и Шопенгауэр, которые были непреклонными детерминистами, что не мешало им оставаться яркими врагами материализма. Детерминизм может стать отправной предпосылкой диалектико-материалистического познания лишь в строго *материалистическом* его понимании: *содержание* материалистического детерминизма вытекает из установленного материализмом отношения между бытием и сознанием. Не менее существенное значение имеет и форма признаваемой нами необходимости.

В окружающей нас действительности на каждом шагу, в каждом *отдельном* случае выступает нечто на первый взгляд прямо противоположное этой необходимости—выступает *случайность*. Маркс констатирует это например во всей сфере капиталистической конкуренции, «над которой, если рассматривать каждый от-

¹ «Ленинский сборник» XII, стр. 325.